

Штефан Бейг (Stefan Beig)

ГИТЛЕР — АНТИКАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР?

Лидер НСДАП никогда не считал себя правым

Рецензия на книгу Р. Цительманна «Гитлер: мировоззрение революционера», впервые опубликованная в «Jüdische Rundschau»:

<https://juedischerundschau.de/article.2024-11.hitler-ein-antikapitalistischer-revolutionaer.html>.

Перевод с английского А. Куряева

По сей день Гитлера относят к категории людей, придерживавшихся правозэкстремистского мировоззрения. Сегодня, спустя десятилетия после первой публикации, книга, которая бросает вызов классификации политической идеологии Гитлера, вызывает все больший интерес и выходит в новом издании. Получившее широкое признание исследование Райнера Цительманна «Hitler. Selbstverständnis eines Revolutionärs» (на английском языке: «Hitler's National Socialism» («Национал-социализм Гитлера», <https://hitlers-national-socialism.com/>; на русском: «Гитлер: мировоззрение революционера», <https://sotsium.ru/vneserijnye/gitler-mirovozzrenie-revolucionera.html>, цитаты приводятся по русскому изданию) показывает, что Гитлер причислял себя не к правым или левым, а скорее к антикапиталистическим революционерам, которые испытывали лишь презрение к буржуазным и консервативным интересам. Он придавал большое значение социальным вопросам и равным возможностям, а с возрастом даже выражал восхищение советской плановой экономикой.

Эта книга — «долгожитель», успешно продающаяся на протяжении многих лет. Когда 37 лет назад Berg-Verlag впервые опубликовал её, она была интересна прежде всего историкам. В последние годы она вызывает значительный интерес у все более широкой читательской аудитории за пределами мира специалистов — как у нас, так и за рубежом. Книга «Hitler. Selbstverständnis eines Revolutionärs» Райнера Цительманна — глубокое исследование

внутренних мыслей и убеждений Адольфа Гитлера. Благодаря тщательному анализу речей и трудов Гитлера первая докторская диссертация Цительманна, за которую в 1986 г. он получил степень доктора истории, стала авторитетным исследованием мировоззрения нацистского лидера.

На сегодняшний день вышло несколько немецкоязычных изданий этой работы. Интерес к работе растет и на международном уровне: исследование уже опубликовано на английском языке, а недавно вышло на русском и чешском. В настоящее время ведется работа над переводами на польский, испанский, португальский и итальянский языки, и в ближайшее время они будут опубликованы.

Тонкое исследование с неожиданными выводами

Книга Цительманна отличается от работ других историков в нескольких аспектах. Во-первых, он очень тщательно проводит различие между Гитлером 1920-х, 1930-х и 1940-х годов. Другие авторы склонны широко подходить к мировоззрению Гитлера начиная с 1919 года, как будто у лидера НСДАП с самого начала было единое целостное мировоззрение. Это не соответствует действительности. Райнер Цительманн выявляет несколько сдвигов и изменений в образе мышления Гитлера, происходивших вплоть до последних лет его жизни.

Во-вторых, Цительманн оценивает Адольфа Гитлера трезво и объективно, никогда не вынося вердикта. По понятным причинам многим ученым до сих пор трудно сохранить такую нейтральную, безоценочную позицию при обсуждении деятельности одного из величайших преступников в истории человечества. Однако четкое отделение фактического анализа от личного мнения повышает академическую строгость книги и позволяет не попасть в ту же ловушку, что и другие биографы Гитлера, многие из которых делают поспешные выводы, основанные на моральных суждениях. Кроме того, Цительманну всегда удается четко отделить свое исследование от собственных (в то время левых) политических убеждений. (Сегодня Цительманн — член Свободной демократической партии Германии (СвДП) и сторонник классического либерализма.)

В-третьих, результаты исследования довольно неожиданны: они оспаривают традиционное отнесение Адольфа Гитлера к правому краю политического спектра. По мнению Цительманна, Гитлер был одновременно правым и левым экстремистом. Будучи лидером НСДАП, он стремился преодолеть эту дихотомию, «но не в „центре“, а в новой крайности, в которой обе крайности были сняты». Более того, Гитлер считал себя революционером и относился к социал-демократам и коммунистам с бóльшим уважением, чем к консерваторам, буржуазии и даже своим фашистским союзникам, таким как Бенито Муссолини и Франсиско Франко. Изначально принадлежавший к левому крылу политического спектра, Гитлер сохранил многие из своих убеждений до самого конца.

Социалисты и коммунисты — реальная сила, противостоящая национал-социализму?

Согласно общепринятой оценке Гитлера как экстремально крайне правого политика, левые должны были стать настоящей политической оппозицией национал-социализму. На первый взгляд, эта точка зрения кажется правдоподобной, особенно учитывая широкомасштабные преследования социалистов и коммунистов в Третьем рейхе. «...В целом нельзя отрицать, что наибольшие жертвы понесли коммунисты и социал-демократы, — утверждает Цительманн. — В то время как их пытали и убивали в концентрационных лагерях, буржуазные правые и капиталистические силы зарабатывали хорошие деньги и в Третьем рейхе» (с. 450).

Адольф Гитлер неоднократно публично нападал на «еврейский большевизм», и некоторые ученые считают эту враждебность основным катализатором его антисемитских убеждений. Кроме того, и это не подлежит сомнению, существует фундаментальное противоречие — о котором сам Гитлер прекрасно знал — между гитлеровским национализмом и интернационализмом социализма.

Поэтому для левых интеллектуалов, таких как ведущий философ Франкфуртской школы Макс Хоркхаймер, было ясно: национал-социализм — это фашизм, в соответствии с определением фашизма, данным Георгием Димитровым, генеральным секретарем Коммунистического Интернационала,

который описывал его «как открытую террористическую диктатуру наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала».

Этот глубоко идеологический тезис сохраняется и по сей день, несмотря на то что он давно опровергнут историческими исследованиями. Тем не менее репутация левых как истинного антитезиса гитлеризму часто придавала авторитет их анализу национал-социализма. Однако Цительманн, который в молодости сам был маоистом, в своем исследовании приходит к совершенно иному выводу. Он приходит к выводу, что с левыми у Гитлера было гораздо больше общего, чем принято считать.

Что же на самом деле думал Гитлер?

В своем анализе Райнер Цительманн опирается прежде всего на две книги Гитлера — «Майн кампф» (1925) и «Вторую книгу» (1928), которая не была опубликована при его жизни, — а также на бесчисленные речи, газетные статьи и записи его монологов и бесед.

Как отмечает Цительманн, публичные выступления Адольфа Гитлера следует читать с осторожностью. Принятие его слов за чистую монету может привести к противоречивым выводам, поскольку в зависимости от случая, времени и аудитории лидер НСДАП говорил разное. Гитлер также был искусным популистом, подстраивая свои послания под различные целевые группы и их интересы. Имело значение, к кому он обращался — к фермерам, рабочим или промышленникам. «При этом он был мастером демагогии и часто умел вводить в заблуждение относительно своих взглядов и намерений и сторонников, и противников», — подчеркивает Цительманн (с. 73).

Поскольку Гитлер считал массы глупыми, его речи строились по простой схеме «черное/белое» и «хорошее/плохое». Однако высказывания, сделанные в частном порядке, доказывают, что по некоторым вопросам его мышление было гораздо более тонким. Цительманн отмечает, что в своих ранних речах и статьях, а также в двух книгах Гитлер с поразительной откровенностью излагал свои долгосрочные цели во внутренней и внешней политике.

Чтобы отличить тактически мотивированные высказывания Гитлера от тех, которые следует воспринимать всерьез и по номиналу, Цительманн подвергает их трем «тестам на последовательность». Он сравнивает публичные заявления Гитлера с теми, которые не предназначались для публики, со сделанными за закрытыми дверями, записанными в протоколах и дневниках близких соратников. Этот анализ выявляет значительные расхождения. Например, в частных беседах Гитлер часто критиковал Муссолини, а позже испанского диктатора Франко, чего он никогда не делал в такой же прямой на публике. В то же время в своем окружении Гитлер восхищался социалистами и коммунистами, а к буржуазным и консервативным партиям выражал лишь презрение.

Деловая партия DVP (Немецкая народная партия) была названа Гитлером «суматохой в муравейнике», члены которой «безвредны, ничего не значат, политически немоцны. Они просто влачат жалкое существование» (с. 458). Еще более резким был вердикт Гитлера в отношении либеральной Демократической партии. Он назвал ее «вонючей язвой на нации» (с. 458). Социал-демократическую партию (СДПГ) он, напротив, оценил гораздо более положительно: «В среде социал-демократии совместно уживаются наиболее безупречные в расовом отношении и лучшие немецкие люди» (с. 457). Он оценил СДПГ как революционную партию и перед Первой мировой войной надеялся, что социал-демократы в Австрии приведут к «ослаблению столь ненавистного мне режима Габсбургов» (с. 456). Согласно записям самого Гитлера, то, что он отвернулся от социал-демократов, было связано с влиянием евреев в партии (с. 457).

Кроме того, Цительманн проводит различие между заявлениями, сделанными Гитлером в определенное время или перед определенной аудиторией, и теми, которые он делал последовательно на протяжении всей своей политической карьеры перед всеми аудиториями. Первые часто были тактически мотивированы, в то время как вторые могут быть приняты за более близкие к истинным убеждениям Гитлера. Например, в конце 1920-х годов Адольф Гитлер обращался к сельским избирателям с романтизированными

представлениями об аграрной жизни, но эта стратегия была недолговечной и явно продиктована тактическими соображениями.

В-третьих, Цительманн рассматривает связность высказываний Гитлера, в частности, противоречат ли некоторые высказывания убеждениям, которые он выражал в других местах. Важно отметить, что в идеологии Гитлера были последовательные темы, служившие основополагающими принципами, из которых можно вывести другие его мнения. Самой важной из этих основополагающих аксиом была гитлеровская концепция «вечной борьбы», основанная на социал-дарвинизме: «Я вижу в борьбе судьбу всех существ» (с. 74).

Революционер, объединивший национализм и социализм

Цительманн реконструирует и прослеживает эволюцию мировоззрения Гитлера с помощью большого количества порой неожиданных цитат. Согласно его анализу, лидер НСДАП рассматривал себя как революционера, чья миссия заключалась в преобразовании общества. Гитлер считал, что таких преобразований можно добиться только с помощью боевой элиты, которую, по его мнению, можно найти только на периферии политического спектра — среди коммунистов и националистов, а не среди пассивных «попутчиков» из буржуазного центра. Гитлер восхищался коммунизмом, потому что в отличие от буржуазных сил он «фанатично» отстаивал свое мировоззрение. Он хотел осуществить свою революцию с помощью сторонников из коммунистического и националистического лагеря. В 1941 году он вспоминал: «Моя тогдашняя партия ведь на девяносто процентов состояла из людей левых взглядов. Мне могли быть нужными только такие люди, которые участвовали в драках» (с. 449). (Вероятно, процентное соотношение является преувеличением.)

Для Гитлера «национализм» и «социализм» были тождественны: «Любая истинно национальная мысль в конечном итоге является социальной, а это значит: тот, кто готов защищать свой народ столь всецело, что он поистине не знает более высокого идеала, чем только благоденствие этого своего народа... является социалистом» (с. 451—452). И в другом месте: «Чем более фанатично национальными, патриотическими будут наши помыслы, тем ближе мы

должны принимать к сердцу благоденствие единого немецкого народа, то есть тем более фанатично социалистическими будут наши помыслы» (с. 452).

В то же время Гитлер «резко отверг буржуазный национализм, поскольку он отождествлял эгоистические классовые интересы и интересы получения прибыли с делами национальными», — а Гитлер хотел переступить и через это. Говоря словами самого Гитлера: «социализм станет национализмом, национализм станет социализмом... Мы не хотим знать сословной гордыни, так же, как и классовой гордости. Мы знаем только одну гордость — быть слугами народа» (с. 452—453). В рамках этого народа Гитлер хотел добиться равенства, к которому стремился социализм: «Социализм может быть только в рамках моего народа», потому что «есть только приблизительно такие же в теле народа в более крупных расовых сообществах, но не сверх того» (с. 453).

Антикапиталистом Гитлер был всегда, а антибольшевиком лишь изредка

Вопреки устоявшимся представлениям, важное место в мышлении Гитлера занимали социальные вопросы. Он был глубоко озабочен достижением равенства возможностей и устранением классовых и социальных различий. В то же время Гитлер был убеждённым антикапиталистом, и это убеждение пронизывало его мышление насквозь, а не было простым тактическим маневром, как полагали в 1920-е годы некоторые марксисты и социал-демократы, для которых антикапиталистическая риторика Гитлера представляла проблему. Как показывает Цительманн, на протяжении всего времени антикапитализм был определяющей чертой мышления Гитлера. Здесь нет противоречия между Гитлером на публике и Гитлером в частной жизни. Антикапитализм был красной нитью, от начала политической карьеры Гитлера до самого конца.

То же самое нельзя сказать об отношении Гитлера к «еврейскому большевизму». Согласно Цительманну, Гитлер верил в эту идеологию в начале 1920-х годов, к концу 1920-х годов его убежденность начала колебаться, а в 1940-х годах он лишь на словах поддерживал тезис о еврейском большевизме, публично отстаивая его, но не воспринимая всерьез.

Историк Томас Вебер приходит к аналогичному выводу в своей книге 2016 года «Как Адольф Гитлер стал нацистом: от аполитичного солдата к автору „Майн кампф“» («Wie Adolf Hitler zum Nazi wurde: Vom unpolitischen Soldaten zum Autor von Mein Kampf»). По мнению Вебера, Гитлер рассматривал большевизм не как отдельную угрозу, а скорее как инструмент еврейского капитализма.

Гитлер видел в коммунистах только конкурентов, но самая опасная оппозиция исходила от правых

Таким образом, ошибается тот, кто интерпретирует антибольшевистские высказывания Гитлера как свидетельство реакционного, шовинистического фашизма. Тот факт, что Гитлер преследовал левых больше, чем буржуазию, не имеет ничего общего с предпочтением Гитлером правых, — совсем наоборот. Он считал правые и буржуазные силы трусливыми, слабыми, лишенными энергии и неспособными к какому-либо сопротивлению, тогда как левые, по его мнению, были смелыми, мужественными, решительными и потому опасными силами». Гитлер рассматривал национал-социализм как революционное движение, конкурирующее с коммунистами. Поэтому он считал коммунистов своими единственными серьезными противниками.

Возможно, это было ошибочное предположение. Как отмечает Цительманн: «...единственная эффективная оппозиция Гитлеру, представленная консервативными и частично также монархическими силами, такими как Людвиг Бек, Франц Гальдер, [Ганс] Остер, [Эрвин фон] Вицлебен, [Карл Фридрих] Гёрделер, [Иоганнес] Попиц, [граф Петер] Йорк [фон Вартенбург] и [Ульрих фон] Хассель, находились на позициях правее Гитлера» (с. 445).

Известный журналист Себастьян Хаффнер высказал аналогичное мнение в 1979 году: «Единственная оппозиция, которая могла стать действительно опасной для Гитлера, исходила от правых, — писал он. — С ее точки зрения, Гитлер находился слева. Это заставляет нас остановиться и задуматься. Гитлера, безусловно, нельзя с такой легкостью отнести к крайне правой части политического спектра, как это принято делать у многих людей».

24 февраля 1945 года, признавая полный и необратимый крах Третьего рейха, Гитлер заявил: «Мы ликвидировали левых классовых борцов, но, к сожалению, при этом мы забыли нанести удар и по правым. Это наш великий грех упущения» (с. 451). Он пытался найти объяснение своему надвигавшемуся поражению. На самом деле, как подчёркивает Райнер Цительманн, не простая оплошность побудила Гитлера не действовать против правых противников, которых он так презирал, а именно приверженность идеологическим убеждениям.

Гитлеровскому государству требовалось «жизненное пространство на Востоке»

На экономическую политику Гитлера большое влияние оказал известный экономист Томас Мальтус, который предположил, что рост населения будет опережать рост сельскохозяйственного производства, что приведет к голоду, социальным беспорядкам и инфляции. Гитлер распространил эту теорию на промышленное производство, предсказав, что спрос на природные ресурсы превысит предложение. В отличие от Мальтуса, Гитлер считал, что решение этой проблемы лежит в плоскости территориальной экспансии. Он утверждал, что если государство не имеет достаточных ресурсов в своих границах, оно должно приобретать их у малонаселенных соседних государств с обилием плодородных земель. Эта идеология подпитывала навязчивую идею Гитлера о приобретении «жизненного пространства на востоке».

Исходя из этого, 23 ноября 1939 года Гитлер заявил своим главнокомандующим: «Растущая численность нашего народа требует увеличения жизненного пространства. Моя цель — установить рациональный баланс между численностью населения и жизненным пространством. Именно здесь должна начаться борьба. Ни одна нация не может уклониться от этого вызова, иначе она должна сдаться и постепенно вымереть... Я выбрал другой путь: приспособление жизненного пространства для размещения населения. Важно понять одно: государство имеет смысл только в том случае, если оно служит сохранению сущности своего народа. В нашем случае речь идет о 82 миллионах человек... Вечная проблема — согласовать количество немцев с имеющейся землей».

Кстати, предположение Мальтуса было ошибочным. Растущее население можно прокормить и за счет повышения производительности труда и свободной торговли. Тот факт, что такие небольшие государства, как Швейцария и Сингапур, сегодня входят в число богатейших стран мира, говорит сам за себя. Но Гитлер не проявлял интереса к свободной торговле и пессимистично смотрел на будущее мировой торговли. Эти настроения разделяли многие политики его эпохи, которые, как и Гитлер, выступали за самодостаточность, не ставя во главу угла расширение собственных территорий.

Отношение Гитлера к частной собственности на производственные активы несколько сложнее. Хотя он отказался от всеобъемлющей национализации, его политика ущемляла права собственников, устанавливая жесткий государственный контроль над производством и инвестициями. Гитлер считал, что частная собственность допустима только тогда, когда она служит «общему благу», а не корыстным интересам предпринимателя. Собственники должны были согласовывать свои действия с целями государства. Таким образом, все оставалось подчинено государству.

Восхищение Адольфа Гитлера советской экономикой росло, особенно в последние годы его жизни. Он получал донесения с Восточного фронта, в которых подчеркивался значительный прогресс, достигнутый в результате сталинских усилий по индустриализации. В своем окружении Гитлер недвусмысленно хвалил советскую систему государственного планирования и намекал, что она должна стать одним из компонентов послевоенной экономики — в полном соответствии с его национал-социализмом.

Для более глубокого понимания политических и экономических взглядов Гитлера книга Цительманна настоятельно рекомендуется. За годы, прошедшие с первого издания, было опубликовано много результатов исследований, подтверждающих и подтверждающих первоначальные выводы Цительманна.